

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллинн)

К. Ф. ЖАКОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

Исполнилось 125 лет со дня рождения известного коми ученого и писателя К. Ф. Жакова. Человек разносторонних способностей и интересов, он был признанным литератором, фольклористом, популяризатором науки, философом и, кроме того, литературоведом и лингвистом. К. Ф. Жаков опубликовал более 200 трудов, среди них около 30 книг, отредактировал и написал предисловия к монографиям и сборникам своих коллег и учеников. Оставил он и громадное рукописное наследие (340 работ за 1919—1926 гг.).

Каллистрат Фалалеевич Жаков родился 30 (18) сентября 1866 г. в д. Давпон Вильгортской волости Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (ныне Сыктывдинский район Коми ССР) в семье коми крестьянина. Отец его, знавший русскую грамоту, помимо земледелия занимался отхожим промыслом — брал подряды на изготовление иконостасов для местных церквей и часовен.

Если всмотреться в страницы биографии К. Ф. Жакова, поражает его почти легендарная, трудная жизнь, основным смыслом которой было стремление к знанию. Ему удалось окончить Усть-Сысольское уездное училище, затем Тотемскую учительскую семинарию. Позднее К. Ф. Жаков сдал экзамены за весь курс реального училища в Вологде, там же в 1895 г. успешно выдержал экзамены в классической гимназии и получил аттестат зрелости. В 1896 г. К. Ф. Жаков поступил на естественное отделение физико-математического факультета университета св. Владимира в Киеве. Однако со второго курса он перешел на историко-филологический факультет, так мотивировав этот шаг: «Стало для меня чрезвычайно ясно, что моим настоящим делом является народоведение, изучение народа со стороны его языка, литературы, антропологических и бытовых особенностей и т. д. Мое происхождение из среды финских инородцев и моя любовь к народам Севера с одной стороны, неисследованность и важность так называемого финского вопроса с другой — заставили меня взяться за изучение именно финских племен» (Архив АН СССР. Ленинградское отделение, ф. 102, оп. 2, ед. хр. 113).

С третьего курса историко-филологического факультета К. Ф. Жаков ушел и осенью 1899 г. поступил на третий курс словесного отделения историко-филологического факультета Петербургского университета, намереваясь посвятить жизнь своему любимому Северу в качестве его летописателя и собирателя старинных сказаний. В университете он занимался под руководством опытных преподавателей, в годы учебы с рефератами и сообщениями выступал на филологических беседах перед студенческой аудиторией. Тогда же он был командирован Академией наук в Вологодскую губернию для сбора этнографического материала среди коми-зырян. После экспедиции 13 октября 1900 г. на заседании отделения этнографии Русского географического общества К. Ф. Жаков выступил с докладом «Этнографический очерк зырян», за который Общество присудило ему серебряную медаль. Позднее исследование было опубликовано (Жаков 1901: 3—36). В 1901 г. К. Ф. Жаков закончил университет с дипломом первой степени и с кандидатским сочинением «Народная словесность зырян и русские сказки». Он был оставлен при Петербургском университете на кафедре русского языка и литературы для подготовки к профессорскому званию.

По инициативе проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ был поднят вопрос о командиро-

вании К. Ф. Жакова для продолжения образования в Гельсингфорский (ныне Хельсинкский) университет. В письме И. А. Бодуэну де Куртенэ К. Ф. Жаков писал: «Гельсингфорский университет для меня так же будет необходим для финской лингвистики, как Киевский и Петербургский были нужны для уяснения принципов исследования явлений народной словесности и народной психологии» (Архив АН СССР. Ленинградское отделение, ф. 102, оп. 2, ед. хр. 113). Из автобиографии, представленной в Юрьевский (ныне Тартуский) университет, узнаем, что он был в Гельсингфорсе и учился угро-финскому языкознанию Исторический архив Эстонии, ф. 2100, оп. 2, № 1061). С 1901 по 1904 г. К. Ф. Жаков под руководством И. А. Бодуэна де Куртенэ сдал магистерские экзамены по санскриту, сравнительному языкознанию, исторической грамматике латинского и древнегреческого языков и в 1902 г. защитил магистерскую работу «О грамматическом строе зырянского языка».

По неизвестным нам причинам К. Ф. Жаков оставил преподавание в университете. В его научной и педагогической деятельности начался весьма неустойчивый период. В 1901—1907 гг. он преподавал русский язык, историю и логику в различных учебных заведениях Петербурга: в женском пансионе, в мужском училище при римско-католической церкви св. Екатерины, в римско-католическом уездном училище при церкви св. Станислава, в I, IX и X гимназиях, вел занятия при Петербургских курсах ораторского искусства. В 1906 г. К. Ф. Жаков читал философию на курсах по Энциклопедии высшего знания. С 1905 по 1917 г. он числился преподавателем на Общеобразовательных Черняевских курсах и в реальном училище при этих курсах (1906—1911 гг.), преподавал логику на специальных педагогических курсах Фребелевского общества для содействия первоначальному образованию (1909—1917 гг.). В течение двух лет К. Ф. Жаков читал лекции по грамматике коми языка в Петербургском университете. С февраля 1908 по февраль 1917 г. его научно-педагогическая деятельность была тесно связана с Психоневрологическим институтом, который за три дня до февральской буржуазной революции был закрыт. Еще раньше закрылись Черняевские курсы. К. Ф. Жаков остался в неопределенном положении. Он решил временно покинуть Петроград, отдохнуть в Латвии на хуторе родителей жены, поправить здоровье, переждать революционную бурю, а осенью вернуться в столицу и с новыми, окрепшими силами приступить к научной и педагогической деятельности. Однако судьба распорядилась иначе. Бурные политические события февральской буржуазной революции, затем Октябрьская социалистическая революция, установление советской власти изменили планы К. Ф. Жакова. Он решил не возвращаться в Петроград. До августа 1919 г. К. Ф. Жаков находился в Пскове, где вначале вел курс высшей математики в Маринской женской гимназии, а затем был приглашен в качестве преподавателя педагогики и психологии в Псковский учительский институт и коммерческое училище.

В августе 1919 г. К. Ф. Жаков уехал из Пскова в Эстонию, в сентябре стал лектором коми языка при профессуре уральских языков и временно замещал профессора по философии в Тартуском университете. Здесь по заданию университета он работал над «Грамматикой зырянского языка», посещал лекции по финскому и эстонскому языкам для преподавателей. По независящим от него причинам в июле 1921 г. К. Ф. Жаков был уволен из Тартуского университета и вынужден уехать в Латвию.

Последние годы жизни К. Ф. Жаков провел в Риге, где до самой смерти читал публичные лекции на разнообразные темы. 20 января 1926 г. К. Ф. Жаков скончался и был похоронен на православном Покровском кладбище в Риге. Много лет спустя его прах перевезен на родину и 19 декабря 1990 г. торжественно перезахоронен в Сыктывкаре на городском кладбище.

Огромный архив К. Ф. Жакова раскрывает перед нами творческий путь разностроннего ученого, вводит в круг проблем, волновавших его, служит ценным источником для изучения истории и быта финно-угорских народов.

К. Ф. Жаков обладал блестящими лингвистическими способностями. Еще учась в реальном училище и в классической гимназии, он овладел древнегреческим, латинским и немецким языками. В университете К. Ф. Жаков выучил санскрит и финский, в подлиннике мог читать «Махабхарату», «Рамаяну» и «Калевалу». Во время ежегодных командировок и экспедиций к коми-пермякам, удмуртам, мордве и ненцам он основательно изучил их языки. В 1912 г. при посещении Японии К. Ф. Жаков позна-

комился с японским языком. Свое отношение к языку он выразил в одной из работ, откуда мы позволим себе привести пространную цитату: «Язык — душа народа. Для каждого народа язык — его величайшее сокровище. Отнимая язык, мы отнимаем у народа не только его вековую привычку, его удобства, но отнимаем еще своеобразие психических переживаний, понятий, мифов... Кто желает познать все богатство человеческого духа, тот должен изучать языки в их сущности, в их внутренней логической стороне. Если это невозможно, то долг каждой нации сохранить свой язык и охранять чужие языки, долг каждого человека — серьезно и свято относиться не только к своему, но и к чужому языку, не только к языку современных культурных народов, но и к языку народов, не попавших в светлый круг культурно-исторической жизни, народов исчезнувших или исчезающих».

Как все великое, язык есть произведение бессознательных сил человека, и потому он не подражаем, самобытен, оригинален, подобен природе, каждый язык единственный в своем роде. Вот почему народы так упорно, настойчиво, инстинктивно охраняют чистоту своего языка.

Можно переменить место жительства, можно изменить свои привычки, вкусы, можно отказаться от родных, от друзей, но не возможно устранить то, что связывает с родиной, что неразрывно связано с душой, что одно делает частью великого целого — нации, народа, невыносимо отказаться от родного языка, от тех незабываемых звуков, которыми была произнесена первая детская мысль, которые в историческом течении жизни народа выразили национальную религию и национальную поэзию, ибо язык есть зеркало жизни и истории народа» (Центральный государственный архив Коми ССР, ф. 945, оп. 1, ед. хр. 8, л. 9—10). Как актуальны эти слова, сказанные почти 70 лет тому назад, как не хватало их нам в борьбе за чистоту и права финно-угорских языков!

К. Ф. Жаков хотел, чтобы при Обществе изучения Русского Севера (г. Архангельск) образовалась секция языковедения с целью изучения языков местных инородцев, а для освоения методов финно-угорского языковедения он полагал весьма желательным послать нескольких молодых людей в Будапештский или Гельсингфорский университет (Известия 1913 : 713). В 1909 г. К. Ф. Жаков ходатайствовал об издании газеты на коми языке («Вологодская жизнь», 1909, 26 августа).

Размышляя о будущей национальной школе, К. Ф. Жаков (1915 : 69, 71) писал: «Для инородцев же необходимо еще преподавание в младших классах на их языке, а в старших на русском... Сказки, пословицы зырянские должны быть началом граммоты в школах для зырян... Что касается зырянских будущих частных и общественных школ, то нужно сказать, что в них разумеется, должен будет изучаться зырянский язык, а также народные произведения на зырянском языке в связи с историей племени».

Интересы К. Ф. Жакова затрагивали разные сферы языковедения.

Финно-угорские языки. К. Ф. Жаков до семи лет разговаривал только по-коми. Этот язык он исследовал до последних лет своей жизни, преподавал его в Петербургском и Тартуском университетах. Он написал «Грамматику зырянского языка», рукопись которой до сих пор не обнаружена. Его интересовало не только современное состояние языка, но и памятники письменности. В 1902 г. К. Ф. Жаков создал работу «Описание зырянской рукописи о таинствах первой половины XIX века» (Архив АН СССР. Ленинградское отделение. Р-IV, оп. 1, ед. хр. 311). Рукопись (ранее 1835 г.) носит название «Фэдэсей пилы Катихизис» и состоит из трех тетрадей, ее объем 212 с. В ней говорится о таинствах крещения и покаяния, о миропомазании и о священстве. Рукопись включает 11 молитв. Приводится отрывок текста на коми и русском языках. Анализируя язык рукописи, автор дает характеристику говоров коми-зырянского языка и делит их на три группы: сысольский, вычегодский и ижемский. Особенностью сысольского говора является гласный +*l*, например, *nil* 'девушка', *vel* 'лошадь' *lol* 'дух'; вычегодскому соответствует гласный +*v*: *niv*, *veg*, *lov*, а ижемскому — дифтонг: *nii*, *veg*, *loo*. Далее подробно разбираются звуковые особенности слов, автор приходит к выводу, что текст написан на ижемском диалекте коми-зырянского языка.

Еще будучи студентом К. Ф. Жаков активно выступал с рефератами и сообщениями на заседаниях Нефилологического общества. Это общество, организованное в 1885 г.

академиком А. Н. Веселовским с целью привлечения к научной деятельности широких кругов, интересующихся филологией, более 30 лет служило основным центром научно-исследовательских работ по самым различным языкам и литературам. На заседаниях его лингвистического отделения К. Ф. Жаков выступал со следующими докладами: «Образование падежей в финских языках пермской группы» (1903), «Особенности мордовского языка» (1903), «Из наблюдений над мордовским языком» (1903) (Архив АН СССР. Ленинградское отделение. Разряд IV, оп. 24, № 5).

В первом докладе речь идет о падежах в коми языке. К. Ф. Жаков пишет, что М. Кастрен (Castrén 1844) на материале одного ижемского диалекта в коми языке выделял 16 падежей. Ф. Видеман (Wiedemann 1884) дополнил эту систему тремя новыми падежами: сравнительный (Praeclisiv) — *mortša* 'по сравнению с человеком', соединительный (Comitativ) — *mortkəd* 'с человеком' и адвербиаль — *mortji* 'сверх человека', но он упустил родительный (Genitiv), и таким образом количество падежей возросло до 18. К. Ф. Жаков уточняет, что форма *mortša* — не падеж, а прилагательное, ср., например, *лунся, тӧлысса*. Что касается приведенной Ф. Видеманом формы *mortša*, то, действительно, такой падеж (сравнительный) существует в коми-пермяцком языке и в верхнесысольском и лузско-летском диалектах коми-зырянского языка. Адвербиальные формы в современном коми языке не выявлены. Ф. Видеман выделил их, вероятно, по аналогии с удмуртским языком, ср. удм. *муртъя*.

Далее К. Ф. Жаков пишет, что количество падежей в грамматике Г. С. Лыткина (1889 : 1—42) 17, дополнительно выделен звательный падеж, например, *вокӧй*. Отметим, что звательный падеж (Vocativ) в коми языке уже упоминается в грамматиках А. Флерова (1813) и А. Шёгрена (Sjögren 1832 : 149—169), но в современной грамматике коми языка он не выделяется.

Н. Рогов (1860) в коми-пермяцком языке усматривает падежи в следующих формах: *ajö* 'о, отчет!', *мортвын* 'на человеке', *мортвӧт* 'по человеку', *мортся* 'сверх человека', и таким образом количество их доводит до 20. К. Ф. Жаков считает, что эти локальные падежи образованы путем слияния существительных с послелогоми: коми *П мортвын* → *морт* + *вывын*, коми *З морт* + *вылын*. По его мнению, так же возникли все остальные падежные суффиксы, выражающие пространственные отношения.

Другие падежи (именительный, винительный, родительный) имеют иное происхождение. Суффиксы этих падежей выражают принадлежность. В пермских языках имеются два типа склонения: а) суффиксальные формы и б) формы с личными суффиксами. Смещение этих форм и утрата чувства личной принадлежности, которое ассоциируется с личными суффиксами, были причинами появления падежных отмет в грамматических падежах.

Суффиксальные формы

Формы с личными суффиксами

		1 л.	2 л.	3 л.
им.	<i>морт</i>	<i>мортӧй</i>	<i>-ыд</i>	<i>-ыс</i>
вин.	<i>мортӧс</i>	<i>мортӧс</i>	<i>-тӧ</i>	<i>-сӧ</i>
род.	<i>мортлӧн</i>	<i>мортӧйлӧн</i>	<i>-ылӧн</i>	<i>-ыслӧн</i>

По мнению К. Ф. Жакова, формы с личными суффиксами употребляются вместо простых падежей и таким путем получают грамматические падежи с суффиксами.

Два следующих доклада взаимно дополняют друг друга. В них К. Ф. Жаков говорит о фонетических особенностях мордовского языка, останавливается на специфических фонемах. Далее он подчеркивает, что падежи в мордовском языке также возникли из сочетания основ с послелогоми. Глагольная система мордовского языка стоит ближе к финскому, чем к пермским языкам. В лексическом плане в мордовском языке бросается в глаза обилие общефинно-угорских слов.

В конце второго доклада К. Ф. Жаков утверждает, что мордовский среди финно-угорских языков занимает среднее положение, что вполне гармонирует и с его средним историко-культурным положением в ряду финно-угорских языков.

В автобиографии, представленной в Тартуский университет, К. Ф. Жаков указывает, что им составлен «Мордовский словарь» Исторический архив Эстонии, ф. 2100, оп. 2, № 1061).

В нашем распоряжении нет ни одной статьи К. Ф. Жакова о ненецком языке. Известно, что он бывал у ненцев и серьезно занимался бытом и языком жителей тундры. Об этом мы узнаем из журнала Общества изучения Русского Севера (Известия 1913: 974). В ноябре 1915 г. К. Ф. Жаков обратился в Русское географическое общество с предложением прочитать доклад на тему «Язык и быт самоедов» по следующей программе: 1. История самоедов, 2. Современное экономическое положение, 3. Бытовые особенности, 4. Религиозные воззрения, 5. Будущее самоедов, 6. Язык самоедов с точки зрения угро-финской лингвистики (Архив Всесоюзного географического общества, разряд 53, оп. 1, № 123). В целом в отношении ненецкого языка К. Ф. Жаков придерживался господствовавшей в то время теории, по которой ненецкий язык примыкает к группе урало-алтайских языков и содержит много корней, общих с финно-угорскими языками, а потому изучение ненецкого языка имеет неограниченное значение для истории Севера. В частности, К. Ф. Жаков считал, что ненецкий язык ближе других финно-угорских языков стоит к венгерскому.

Отношения коми и японского языков. В 1912 г. К. Ф. Жаков совершил многомесячную лекционную поездку по крупным городам Урала, Сибири и Дальнего Востока, побывал в Китае и Японии. Возвратившись из Японии, он подготовил лекцию «Япония и японцы (по литературным данным и по личным впечатлениям)» и в течение сентября читал ее в разных городах Урала и Сибири («Забайкальская новь», 1912, 1 сентября; «Думы Забайкалья», 1912, 1 сентября; «Вятская речь», 1912, 21 сентября). 5 декабря 1912 г. на очередном заседании лингвистической секции Неофилологического общества К. Ф. Жаков сделал доклад «О родстве японского языка с восточно-финскими». Доклад вызвал оживленные прения и горячие споры, в которых приняли участие многие видные лингвисты-востоковеды и фонетисты: Е. Д. Поливанов, Н. П. Ехтихеев, А. Д. Руднев, В. Я. Алексеев, Л. В. Щерба, Э. Э. Ламбек и др. Все они единодушно указывали, что выводы докладчика совершенно необоснованы, его доказательства построены на случайных созвучиях слов, не имеют внутренней связи и лишены научной основы («Речь», 1912, 7 декабря). Каковы же его доказательства? Приведем несколько выдержек из работ К. Ф. Жакова: «*Цируга* (название города — А. Т.) — почему название японское кончается на *уга*, ведь *уга* и *юга* — это финские корни, означающие реку». «А вот говорят впереди станция наз. *Майбара*. *Майбыр* — слово зырянское и означает 'счастливый', а «лица японские напоминают или зырян или финнов». Далее К. Ф. Жаков приводит лексические параллели из коми и японского языков: коми *из* — япон. *иси* 'камень', коми *то-ман* 'замок' — япон. *то* 'дверь', коми *ты* 'озеро' — япон. *та* 'пруд', коми *юк-мёс* 'колодец' — япон. *юки* то же, коми *эм* — япон. *имасу* 'иметь', коми *сёйны* 'есть' — япон. *суу* 'хлебасть', коми *кём* 'обувь' — япон. *кимоно* 'одежда', коми *би* — япон. *хи* — 'огонь', коми *асыв* — япон. *аса* 'утро', коми *кымёр* — япон. *кумо* 'облако', коми *тури* — япон. *тори* 'журавль', коми *ки* — япон. *те* 'рука' (1913: 96—97; 1914: 127, 134; «Морт» 1914: 586). К. Ф. Жаков указывал, что в японском языке он нашел 250 коми корней («Postimees», 1912, 26 октября). При таком сравнении он не учитывал китайского происхождения некоторых японских слов.

В следующем году 12 июля в Архангельске на заседании Общества изучения Русского Севера К. Ф. Жаков выступил с докладом «О соотношении японского и самоедского языков к угро-финским, в частности к зырянским, и историко-культурные выводы их» (Известия 1913: 711—712; «Архангельск», 1913, 16 июля). Однако и этот доклад вызвал отрицательную реакцию и страстную критику. Он не был принят даже земляками-коми. «Уже одна географическая отдаленность зырянского края от Японии и исключают друг друга расовые особенности зырян и японцев должны были, кажется, заставить почтенного ученого отнестись к данному вопросу с некоторой серьезностью, но г. Жаков не считает, повидимому, нужным «рыться» в истории и археологии, его даже не занимает антропология, он, видите-ли, доволен тем, что послушал несколько японских слов, сходных с зырянским, и на основании этих более

чем сомнительных доказательств решает вопрос в положительном смысле» («Морт» 1914 : 584—589).

Попытка установить родство финно-угорских языков (в том числе и коми) с японским предпринималась и раньше. Известный немецкий ученый Х. Винклер (Winkler 1909) рассматривал урало-алтайские народы и их языки именно во взаимосвязи с японским языком. Х. Винклер сравнивал японский со всеми финно-угорскими, даже самодийскими языками. Однако доказать родство этих языков ему не удалось. Трудно сказать, был ли К. Ф. Жаков знаком с трудами немецкого ученого, но многие коми-японские параллели Х. Винклера совпадают с таковыми у К. Ф. Жакова.

Впоследствии К. Ф. Жаков к предполагаемому родству присоединил еще самодийские, тунгусский и маньчжурский языки. Финно-угорско-самодийско-тунгусско-японское родство он искал не только в лексике, но и на основе сходства грамматических форм. К. Ф. Жаковым был составлен «Японо-зырянский словарь (руководство)», рукопись которого до сих пор не найдена.

Летом 1923 г. в Риге К. Ф. Жакова посетил финский ученый и дипломат Г. И. Рамстедт, который занимался сравнительно-исторической алтаистикой и в круг алтайских включал корейский и японский языки. В 1919—1930 гг. он был посланником Финляндии в Японии.

Топонимия и этимология. Специальных работ по топонимическому и этимологическому исследованиям коми языка, по нашим данным, у К. Ф. Жакова нет. Но в своих многочисленных работах по истории и этнографии финно-угорских народов он постоянно привлекал топонимический материал, объяснял происхождение тех или иных слов, опираясь на родственные финно-угорские языки.

К. Ф. Жаков (1907 : 2—5) писал: «Приехав в село или в деревню, первым делом составлял карту ручьев и речек, урочищ и гор с местными названиями, затем записывал фамилии крестьян, рассказы и легенды, касающиеся происхождения данного села и соседних мест, деревень...». Он считал, что все гидронимы, оканчивающиеся на *-ва, -ю, -юк, -шор, -эль*, имеют пермское происхождение. В некоторых названиях, по мнению К. Ф. Жакова, формант *-ма* произошел от *-ва*: *Ижма — Изьва, Пижма — Пезьва, Лозма — Лозва*. Переход *-ма* < *-ва* произошел в русском языке. На основании географических названий древнюю территорию коми (перми) К. Ф. Жаков очерчивает от Москвы до Мезени, от Камы и притоков Тобола до Белоозера (1909 : 6—7).

В его работах можно найти и объяснения отдельных коми топонимов. Например, он утверждает, что на берегу ручья *Рочьшор* 'русский ручей' некогда жили русские. Деревня Русаковская по-коми называется *Рочьсикт* 'русская деревня'. Гидроним *Дон* К. Ф. Жаков производит от глагола *доналны* 'пламенеть' и тут же объясняет, что озеро как бы пламенеет при закате и восходе солнца (1907 : 2—5).

Завершая исследование о языке и быте удмуртов, К. Ф. Жаков (1903 : 184—186) в конце работы приводит список названий сел и деревень на всей территории проживания удмуртского населения.

К. Ф. Жаков считал, что необходимо составить топонимический словарь Архангельской губернии.

Этимологии в работах К. Ф. Жакова редки. Так, в одной работе он объясняет, что коми *ка* (*ко*) в словах *вич-ко* 'храм', *кер-ка* 'дом' означает 'жилище, избушку без пола и потолка' (1907 : 9). В других работах (Жаков 1909 : 10; 1911 : 410), опираясь на родственные языки, он толкует следующие слова: *гор* 'каменка', ср. манс. *kijr*, фин. *kiuas* и *кола* 'лесная избушка', ср. удм. *куала*, морд. *кудо*, фин. *kota*.

В целом языковедческие исследования К. Ф. Жакова отражают лингвистический уровень финно-угроведения того времени. К сожалению, многие труды его утеряны и, возможно, безвозвратно.

ЛИТЕРАТУРА

- Жаков К. Ф. 1901, Этнологический очерк зырян. — Живая старина, вып. I, год 11-й, 3—36.
- 1903, Некоторые черты из исторической и психической жизни вотяков. — Живая старина, вып. I и II, год 13-й, 172—187.
- 1907, К вопросу о составе населения в восточной части Вологодской губернии. — Отчет деятельности Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук за 1907 г., С.-Петербург, 34—42.
- 1909, Историко-статистический очерк зырянского населения. — Труды экспедиции по исследованию земель Печорского края Вологодской губернии. Усть-сысольский уезд. Район Сысольского и южной части Усть-сысольского лесничества. Изд. под редакцией П. И. Соколова. Том I, С.-Петербург, 1—77.
- 1911, Судьбы угро-финских племен в историческое время и в до-историческое. — Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. № 17, 409—413.
- 1913, В Японии (Путевые впечатления). — Вестник знания, № 1, 93—101.
- 1914, Сквозь строй жизни, вып. II, С.-Петербург.
- 1915, Пути возрождения русского Севера вообще, и в частности Зырянского края. — Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера, № 3, 65—72.
- Известия Архангельского общества изучения Русского Севера 1913, № 15, 21.
- Лыткин Г. С. 1889, Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык, С.-Петербург.
- «Морт» 1914, Родственны-ли зыряне японцам? (По поводу поездки г. Жакова в Японию). — Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера 1914, № 18, 584—589.
- Рогов Н. 1860, Опыт грамматики Пермяцкого языка, С.-Петербург.
- Флеров А. 1813, Зырянская грамматика, изданная от главного правления училищ, С.-Петербург.
- Castrén, M. A. 1844, *Elementa grammatices Syrjaenae, Helsingforsiae.*
- Sjögren, A. J. 1832, *Ueber den grammatischen Bau der Syrjänischen Sprache mit Rücksicht auf die Finnische.* — *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*, VIme Série, Tome I, St.-Petersbourg, 149—169.
- Wiedemann, F. J. 1884, *Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen*, St.-Petersburg.
- Winkler, H. 1909, *Der Uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische*, Berlin.